

Слово Георгия Гребенищикова, переливаясь из сказания в сказание, – тоже поет! Вслушайтесь: «...Руки размахнулись вправо, и коса умело уложила наземь широкую ленту скошенной травы с веселыми, еще не успевшими заметить свою смерть, цветами» [8, с. 203].

Литература

1. Барбашов, В. П. Интенциональное значение «свастики» как отражение коллективной интенциональности в креолизованных текстах (на примере денежных знаков) / В. П. Барбашов // Филология и человек. – 2014. – № 14. – С. 131–137.
2. Барбашов, В. П. Ремесленный дискурс в «Красной книге ремесел» А. М. Родионова / В. П. Барбашов // Алтайский текст в русской литературе: Материалы четвертой региональной науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. – С. 40–47.
3. Барбашов, В. П. Тика о власти символа и символа власти (предостережения В. П. Барбашова) / В. П. Барбашов // A-Real Linguistics: Комментарий к текущей действительности: коллективная монография. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 189–206.
4. Барбашов, В. П. Формирование интенционального значения в публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса (на материале современного немецкого языка): монография / В. П. Барбашов. – Барнаул: Концепт, 2013. – 153 с.
5. Родионов, А. М. Князь-раб: исторический роман. В 2 т. Т. 1. Азь гръшный / А. М. Родионов. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 536 с.
6. Родионов, А. М. Князь-раб: исторический роман. В 2 т. Т. 2. Князь-раб / А. М. Родионов. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 428 с.
7. Родионов, А. М. Красная книга ремесел: заметки о чистодеревщиках, кузнецах, гончарах, ткачах, вышивальщиках, колыванских камнерезах / А. М. Родионов. – Барнаул, 1990. – 320 с.
8. Родионов, А. М. Одинокое дело мое... Мгновенья лет мимолетающих: статьи, заметки, очерки / А. М. Родионов. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2001. – 615 с.

Татьяна Беценко

*Сумской государственный педагогический университет
им. А. С. Макаренко (Украина)*

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА: УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Народнопоэтическое творчество является той языково-культурной средой, которая тесно взаимосвязана с народным мышлением, мировоззрением, бытовыми представлениями, то есть со всеми сторонами жизнедеятельности этноса.

Актуальность исследования состоит в том, чтобы засвидетельствовать языковые каноны народного песнетворчества, наблюдаемые в фольклорно-песенном континууме украинского и белорусского наследия, изучение которых даст возможность сравнить родственные и неродственные народноязыковые песенные культуры.

Цель статьи – выявить и описать словесно-образные конструкции, характерные для белорусского и украинского народнопесенного текстообразования, с точки зрения их каноничности, универсальности и одновременно уникальности. Основная задача – типизировать текстово-образные формулы (универсалии) как системоорганизующие единицы фольклорного дискурса украинских и белорусских народных песен.

Каноничность словесно-образной организации народнопесенных произведений рассматриваем как фольклорную категорию, свидетельствующую о сложившейся языковой традиции, и вместе с тем – о своеобразии, самобытности, оригинальности отдельной культуры, в частности – украинской и белорусской.

Каноничность по-другому понимаем как традиционность, формульность, универсальность. Без канонов текстообразования немыслимо существование народного творчества. Поэтому традиция – свидетельство бытия этнической культурной реальности.

Наличие текстово-образных формул (универсалий) – показатель устойчивой, сформировавшейся по правилам (нормам), законам, песенной традиции, закреплённость последней за отдельным национально-языковым континуумом.

Как в украинском, так и в белорусском народнопесенном творчестве, по нашим наблюдениям, представлены канонические текстово-образные универсалии – атрибутивные, субстантивные, вербальные, адвербиальные, предикативные структуры.

Атрибутивные конструкции – структурные образования типа «прилагательное + существительное».

В белорусском народном творчестве естественными являются универсальные для славянского фольклора формулы *буйны ветры* [1, с. 37], *дробны дажджы* [1, с. 37], *маманька родная* [1, с. 51], *дзіўненькі сон* [1, с. 54], *ясен сокал* [1, с. 54], *халодная вада* [1, с. 290], *драмучымі лясамі* [1, с. 427], *цёмная ночачка* [1, с. 428], *ясен месяц* [1, с. 428], *луг зялёны* [2, с. 47], *быстрая рака* [2, с. 206], *быстра вада* [2, с. 80]. Ср. в украинских народных думах: *бистрі води* [3, с. 327, 333], *біле каміння* [3, с. 163, 183, 188, 197, 202], *білий камінь* [3, с. 109, 124, 125, 128, 312, 314, 315 и др.], *білі руки* [4, с. 145, 284], *буйні вітри* [3, с. 176, 291], *дрібен дощик* [3,

с. 107, 108, 223, 254], *дрібні сльози* [3, с. 94, 96, 97, 182, 184, 193, 265 и др.], *зелені явори* [3, с. 161, 206], *зелена діброва* [3, с. 363, 378], *холодна вода* [3, с. 91, 92, 93, 94, 95, 97], *ясні соколи* [3, с. 103, 154], *ясне сонце* [3, с. 138, 182], *темная нічка* [3, с. 206, 208].

Только в белорусском фольклоре засвидетельствованы формульные структуры *зялёная ліпка* [2, с. 146], *ліпачка кудравая* [2, с. 146], *бярозка белая* [2, с. 147], *белая бярозка караністая* [2, с. 402], *яленчанка зеляная* [2, с. 278], *язюлочка баравая* [10, с. 223].

Универсальность подобных словосочетаний усматриваем в том, что, во-первых, это самые простые структуры и самые употребляемые в языке конструкции, во-вторых, – это единицы, обладающие эстетической окраской, образностью, тропеические по своей сущности, в-третьих, национально обусловленные. Ср., напр., в украинских народных думах: *бистра куля* [3, с. 93], *бистра річка* [3, с. 276], *бистра супротивна хвиля* [3, с. 386, 388], *бистра хвиля* [3, с. 98, 108, 110, 112, 395, 397, 398], *бистрі ріки-озера* [3, с. 300], *прудкі річки* [3, с. 332], *битий гординський шлях* [3, с. 74], *бідні невільники* [14, с. 13], *бідні козаки* [3, с. 95, 97, 126, 209], *запорозьке войско* [3, с. 149], *сизопірі орли* [3, с. 156], *превоздобне дерево* [3, с. 116], *православні християни* [3, с. 115, 165, 181] и др.

Атрибутивные конструкции являются непосредственным отображением неязыковых фактов – картины мира этноса, носителем которой свойственно, в частности, расчлененное обозначение предмета и его признака.

Субстантивные текстово-образные формулы – сочетания существительного с существительным. В украинских народных думах – это конструкции *слава-рицарство* [3, с. 231, 232, 236], *сокіл-брат* [3, с. 114], *срібло-злото* [3, с. 100], *час-пора* [3, с. 305], *щастя-доля* [3, с. 127, 155, 201, 212, 361], *щука-риба* [4, с. 317], *шлях-дорога* [3, с. 367], в белорусском народном творчестве – *рута-мята* [1, с. 36], *язюлька-кукушка* [1, с. 47], *мёд-гарэланьку* [1, с. 50], *мёд-віно* [1, с. 50], *мурагу-сена* [1, с. 287], *віно-мёд* [1, с. 295], *паніч-каролік* [1, с. 295], *сад-вінаград* [8, с. 296], *званы-калакалы* [1, с. 382], *бары-сасна* [2, с. 81], *шчуцы-рыбаньчы* [2, с. 179], *каліна-маліна* [2, с. 222].

Сложные слова составляют неотъемлемую часть народнопесенной словесной культуры славян.

Вербальные текстово-образные формулы-универсалии в украинской и белорусской фольклорной традиции также подчинены законам канонической внутренней архитектоники. К этим формулам принадлежат сложные глагольные конструкции (сложные слова): *сікти-рубати*

[3, с. 163, 164, 177 и др.], *бере-хапає* [3, с. 203, 205], *бити-карати* [3, с. 218], *бігти-доганяти* [3, с. 216], *грати-вигравати* [3, с. 98 и др.] – в украинских народных думах, в белорусском фольклоре – *селі-паселі* [1, с. 37], *сячыце-рубайце* [1, с. 285], *стучыць-грудчыць* [1, с. 297, 298], *льець-пальець* [7, с. 570], *едзь-паедзь* [1, с. 370], и структуры, образованные по модели «глагол + глагол»: *не гніся, не ламайся* [1, с. 433], *хоць маем, хоць не маем* [2, с. 427], *не гніся, не ламіся* [1, с. 432], *хаджу, малачу* [2, с. 80].

Принцип конструирования структур – тот же, компонентный состав близкий, похожий, но в большинстве случаев не одинаковый, не повторяющийся.

Интерес представляют адвербиальные текстово-образные универсалии. Предназначение этих структур – поэтизировать пространственные, временные и другие характеристики измерения бытия. Формульные структуры с семантикой места указывают на местоположение описываемого предмета, явления, события, на направление, движение к определенному предмету в пространстве и проч. Пространство в фольклоре, как и время, – реальное обобщенное бытие, мыслящееся в тесной связи с человеком. Для белорусского носителя культуры актуальным является макропространство: *на Русь, на Україну* [8, с. 282], *на ціхім Дунаї* [1, с. 282], *за ціхім Дунаєм* [1, с. 288], *на Україну* [1, с. 282], *на Україну* [8, с. 281], *на Русь* [1, с. 283], *на моря на сінюсенькім* [1, с. 37], *з поля* [1, с. 37], *на Дунаечку* [2, с. 126, 127], *на рыначку* [8, с. 36], *у луг, у бор* [1, с. 40], *у крыніцу* [1, с. 41], *у садзе* [1, с. 41], *на саду* [1, с. 42], *у садочку* [1, с. 42], *да з гары на даліну* [1, с. 283], *пад круту гару* [1, с. 430], *да на моря, на моря, на сіненькім возеры* [1, с. 283], *у бору* [1, с. 289], *у чыстым полі* [1, с. 299], *за лесам* [1, с. 302], *на чысту поля* [1, с. 302], *за гарой, за гарой круценькай* [1, с. 392], *за гумном, за новенькім* [1, с. 289], *чэрэз тры ласы* [1, с. 303], *чэрэз тры сялы* [1, с. 303], *між гор, між даліны* [1, с. 292], *да й у чыстым у полі, да й на бітаму шляху* [1, с. 430], а также и микропространство: *на камені на бялосенькім* [1, с. 37], *у каморы* [8, с. 42], *у хаце* [8, с. 48], *по сянех* [8, с. 51], *на бярозах* [8, с. 50], *на дварэ* [8, с. 293], *каля коніка* [1, с. 287], *на коніку* [1, с. 55], *у новым калодзежы* [1, с. 281], *з-пад крыніцы* [1, с. 290], *на масту* [2, с. 427]. Идентичное словесно-образное кодирование пространства в украинском фольклоре, что свидетельствует о родственности этносов: *з чужої сторони* [3, с. 116], *із чистого поля* [3, с. 312], *з криниці Салтанки* [3, с. 94, 96], *із чужого дому* [3, с. 360], *у тихий Дунай* [3, с. 409], *в чисте поле, в широке роздолля* [3, с. 216], *у чужий дім* [3, с. 220], *через темні луги* [3, с. 328], *через високі ліси* [3, с. 338].

Поэтизацию пространства связываем с намерением песнетворцев зафиксировать местопребывание, местонахождение существенных для бытия реалий духовной и материальной жизни человека. Локус есть часть этноса, составляющая мировоззрения индивидов, компонент национальной (генетической) памяти. Для белорусов важными локативами считаем *лес, сад, поле, бор, гай, гору, дубраву, море* и др. Для украинцев, к примеру, – *степь, поле, лес, сад, бор, гору, дубраву, море* и др. Сходство пространственного обозначения действительности и в белорусском, и в украинском фольклоре – очевидное.

Время в словесно-образном оформлении тоже является обязательным показателем национально-образного видения бытия. Для белорусского носителя языковой культуры характерным считаем время, которое определено словами *ранюсенька* [1, с. 51], *з суботкі на нядзельку* [1, с. 5], *у суботу на нядзелью* [1, с. 52] *з суботкі на нядзельку* [1, с. 53], *у нядзелью рана* [1, с. 55], *у нядзелечку* [1, с. 56], *з суботы на нядзелью* [1, с. 56, 57], *у нядзелью да рана параненька* [1, с. 280], *у надзельку рана* [1, с. 280], *ой, рана, рана, на зарэ* [1, с. 429]. Для украинской фольклорной традиции характерны конструкции *ранньою зорею* [3, с. 325], *у святую неділеньку рано-пораненьку* [3, с. 190, 366, 367], *до схід сонця* [3, с. 359], *в неділю рано-пораненьку з світовою зорею* [3, с. 340, 341], *ясною зорею* [3, с. 206].

Текстово-образные предикативные конструкции-универсалии в народном творчестве – структуры, соотносительные с предложениями. Такие единицы достаточно активны и в украинском, и в белорусском фольклоре. Например, в белорусском народном творчестве: *дробныя слёзкі роніць* [1, с. 43], *дробны дажджы паліваюць* [1, с. 36], *коніка сядлае* [1, с. 47], *язюлька кукавала* [1, с. 48], *по сяньх пахадзіла* [1, с. 51], *сон сасніла* [1, с. 53], *сон відзела* [1, с. 53], *на коніку сядзіць* [1, с. 55], *цякла рэчачка* [1, с. 56], *руская каса да да паяса* [1, с. 280], *два конікі да ваду пілі* [1, с. 280], *коні поюць* [1, с. 289], *вада ручаём цячэ* [1, с. 290], *вада цячэ холодная* [1, с. 290], *вадзічка ручаём бяжыць* [1, с. 292], *быстра рэчка цячэ* [1, с. 294], *на чысту поляу стралою імчыся* [8, с. 302], *не вей, вецер* [1, с. 431], *каля рэчанькі хадзіла, каля быстрае гуляла* [2, с. 390], *я над ракою стаяла, белыя ручкі умывала* [2, с. 391], *з адной гары вецер вее, з-пад другой гары павявае* [2, с. 279], *кукавала язюля* [2, с. 222] и др.; в украинском фольклоре: *став з Дніпра тихий вітер повівати* [3, с. 388], *будуть козаки чистим полем гуляти* [3, с. 89], *дрібен дощик накрапає* [3, с. 254], *став буйний вітер повівати* [3, с. 186], *не буйні вітри повівали* [3, с. 79]. По своей сущности (учитывая лексический состав, содержательность конструкции) подобные текстово-образные

универсалии, на наш взгляд, родственны с эпическими формулами песен славянского фольклора вообще.

Итак, язык фольклора – та область духовно-культурной традиции, которая позволяет изучать и сравнивать своеобразие этнического мышления, этнического творчества в контексте родственных и неродственных культурных связей.

Литература

1. Вясельныя песні: У 6 кн. Кн. 1. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981.
2. Восеньскія і талочныя песні. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981.
3. Украинские народные думы. – М.: Наука, 1972.

Валентина Галич

*Национальный университет «Львовская политехника»
(Украина)*

СТИЛИСТИКА АССОЦИОНИМОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ОЛЕСЯ ГОНЧАРА

Наше исследование посвящено изучению языка украинских медиа, в частности стилистических функций разных семантических типов ассоционимов в публицистических текстах – проблемы мало исследованной, связанной с вопросами понимания текста, медиакультуры, эффективности средств актуализации подтекста и индивидуализации словесного творчества. В украинском научном пространстве (литературоведения, ономотологии, теории журналистики) приоритет комплексного изучения явлений онимизации (метафорического перехода нарицательных имен в собственные) и формирования термина для их обозначения – *ассоционим* – принадлежит автору этой статьи [1, с. 136–175; 2, с. 668–692]. Кроме того, научная новизна заявленной темы определяется еще и тем, что ассоционимы в творчестве известного украинского писателя-публициста и общественного деятеля Олеса Гончара (1918–1995) никем еще не подвергались комплексному изучению в прагмалингвистическом, когнитивном и методическом аспектах.

Понятие «ассоционим» подчеркивает главное: способность графически выделенной лексемы вызывать в воображении читателя сочетание различных ассоциаций, связанных со значением мотивирующего апеллятива, контекстом произведения, воспроизводимой эпохой и т. д., которые лежат в основе создания образа великого философского обобщения. Корни этого художественного тропа достигают древних Греции